

- Воздушные приключения. М., 1806; Старик везде и нигде. М., 1808; Граф С...т, или Странные приключения новомодной красавицы в замке Шотландских гор. М., 1810; Трагический отрывок из повестей господина Спиз, или Антонио и Жианетта / Пер. Егор Акимов. М., 1812; Сумасшедшие, или Гонимые судьбою. М., 1816; Приключения рыцаря Бенно фон Эльзенбург в 1225 году, не волшебная, но удивительная повесть. М., 1812; Рыцарь Льва. М., 1819; Двенадцать спящих дев. Орел, 1819; Двенадцать спящих дев. Фантастическая повесть: В 6 ч. М., 1876.
3. Ветшева Н.Ж. Жанровое своеобразие поэмы В.А. Жуковского «Двенадцать спящих дев» (к проблеме генезиса русской романтической поэмы) // Проблемы метода и жанра. Вып. 17. Томск, 1991.
 4. Козмин Н.К. О переводной и оригинальной литературе конца XVIII и начала XIX века в связи с поэзией В.А. Жуковского. Спб., 1904.
 5. Вацура В.Э. Готический роман в России. М., 2002.
 6. Плетнёв П.А. Сочинения и переписка: В 3 т. Т. 2. Спб., 1885.
 7. Москвитянин. 1853. Т. 1.
 8. Загарин П. (Поливанов Л.И.). В.А. Жуковский и его произведения. М., 1883.
 9. Веселовский А.Н. Поэзия чувства и «сердечного воображения». Спб., 1904.
 10. Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 1. М., 1999.
 11. Le Conservateur impartial. 1817. № 63.
 12. Иезуитова Р.В. Жуковский и его время. Л., 1989.
 13. Gedichte von Gottfried August Bürger. Th. 1–2. Güttingen, 1789.
 14. Библиотека В.А. Жуковского: Описание / Сост. В.В. Лобанов. № 748. Томск, 1981.
 15. ОР РНБ. Ф. 286 (В.А. Жуковский). Оп. 1.
 16. Письма В.А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. М., 1895.
 17. ОР РГАЛИ. Ф. 198 (В.А. Жуковский). Оп. 3. № 8.
 18. ОР ПД. № 27807. («Книга Александры Воейковой»).
 19. Русская старина. 1883. № 9.
 20. «Арзамас»: Сб.: В 2 кн. Кн. 1. М., 1994.
 21. Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 1. Спб., 1899.

И.А. Айзикова

«ЗАПИСКА О Н.И. ТУРГЕНЕВЕ» В.А. ЖУКОВСКОГО (СПЕЦИФИКА ВОСПРИЯТИЯ И ТРАНСФОРМАЦИИ ОБРАЗА ДЕКАБРИСТА КАК ОСОБОЙ МОДЕЛИ ЛИЧНОСТИ)

Томский государственный университет

О проблеме «В.А. Жуковский и декабристы» в разных ее аспектах писали многие ученые [1, с. 45–119; 2, с. 21–26; 3, с. 17–29; 4, с. 43–46, 124–128; 5, с. 170–183; 6, с. 466–521; 7, с. 423–433; 8, с. 159–192; 9, с. 117–133]. Р.В. Иезуитова, например, указывает на то, что именно «непосредственное, личное общение с деятелями формирующегося декабристского движения» стало для романтика В.А. Жуковского «началом» интереса к общественно-политическим проблемам [10, с. 159]. Судьбы некоторых из декабристов стали, по точному выражению А.С. Янушкевича, «частью жизни В.А. Жуковского» [11, с. 171]. Среди них в первую очередь нужно назвать Н.И. Тургенева [5–7; 12, с. 149–154; 13, с. 207–227], «Записке» о котором и посвящена предлагаемая статья.

В силу специфической природы текста, о чем будет сказано ниже, «Записка о Н.И. Тургеневе» В.А. Жуковского позволяет поставить ряд вопросов, связанных с актуальнейшей в современном литературоведении проблемой трансформации и функционирования культурных моделей в отечественной словесности. Это, например, вопрос о становлении модели «политической прозы» в классической русской литературе. Данный термин был введен еще Пушкиным в

письме к Вяземскому от 16 марта 1830 г. для обозначения целого пласта прозаических сочинений, отразивших введение в художественную литературу материала и проблематики, которые до тех пор считались совершенно ей чуждыми, несвойственными. Общественно-политические идеи, целенаправленно включаемые в прозаические произведения первой трети XIX в., естественно требовали перестройки большинства эстетических принципов прозы и форм ее поэтики. Все это наглядно демонстрирует рассматриваемое сочинение В.А. Жуковского.

«Записка» являет собой реализацию модели взаимоотношений поэта и власти, многое определявшей в русской культуре и литературе. Причем она принципиально перекликается в этом плане с пушкинской моделью, обозначенной в его «Записке о народном воспитании», которая стала еще одним из многочисленных откликов на восстание декабристов, так сказать, по горячим следам. Как указывает Л.Н. Киселёва, «Записка о народном воспитании» Пушкина содержит «анализ общественных настроений в России 1810–20-х гг. и своего рода очерк предыстории декабризма и включает упоминание единственного имени декабриста – Николая Тургенева» [14, с. 174]. Имя Н.И. Тургенева было внесено А.С. Пушкиным

уже в беловой текст, в результате чего, по выражению исследовательницы, «парадная “подносная”» рукопись оказалась «испорченной». Обе модели взаимоотношений поэта и власти (В.А. Жуковского и А.С. Пушкина) при этом перекликаются с карамзинской, описанной Ю.М. Лотманом и Н.Я. Эйдельманом, и здесь может быть развит целый исследовательский сюжет. Мы же остановимся на своеобразии восприятия и трансформации образа декабриста как особой модели личности в «Записке о Н.И. Тургеневе» В.А. Жуковского.

Работа над ней началась в июле 1826 г. и была погружена в контекст не только глубокого осмысления писателем произошедших в России в декабре 1825 г. событий, идеи революции как таковой, законов истории, но и его размышлений о человеке, природе его личности. Привлекавшаяся всеми учеными, которые обращались к данной проблеме, «Записка» тем не менее до сих пор не вписана в контекст творчества В.А. Жуковского. Связано это во многом с тем, что она являет собой образец такой прозы, понять которую невозможно в рамках привычных жанрово-родовых моделей. С одной стороны, сочинение близко к той сфере литературы, которую в современной терминологии называют публицистикой. Однако, с другой стороны, следует сделать ряд существенных оговорок.

Прежде всего подчеркнем тот факт, что «Записка» создавалась как личное обращение автора к царю, который определенное время и являлся ее единственным читателем. Но это обстоятельство, безусловно, давало писателю большую свободу, по сравнению с публичным выступлением, и в выборе темы, ее пафоса, и в способах ее обсуждения, аргументации своей точки зрения. Таким образом, произведение, явившееся откликом на одно из самых злободневных событий русской истории, носит глубоко личный характер. Напомним в связи с этим, что оно перекликается с мыслями записной книжки поэта 1827 г., которые, в свою очередь, переходили в его парижский дневник [15, с. 258–274].

Очень многое в «Записке», и в первую очередь представление о Н.И. Тургеневе как о декабристе, зависит от личности ее автора, от его убеждений. Вместе с тем сочинение обращено к реальным историческим фактам, документам, событиям, которые являются основой авторских размышлений и обобщений. «Записка о Н.И. Тургеневе» – это взгляд В.А. Жуковского на мир реальной действительности, на конкретную историческую личность с точки зрения своей личной морали и философии.

Это было очень характерно для писателя, который с ранних лет творчества и до конца своего жизненного пути открыто и искренне отзывался и в стихах, и в прозе на самые злободневные события общественной жизни России. И всегда они были пропущены сквозь его душу. «У него все для души», – писал о В.А. Жуковском А.И. Тургенев П.А. Вяземскому (письмо от 16 февраля 1821 г.). Позднее эту мысль повторяли

практически все исследователи его творчества начиная с А.Н. Веселовского, который писал в своей монографии о В.А. Жуковском: «У него все дело в душе, в человечности» [16, с. 292]. Именно в личном процессе восприятия важнейших событий русской истории у В.А. Жуковского формируется некий образ декабриста как особой модели личности. Можно посмотреть на это и шире – это был, выражаясь словами Ю.М. Лотмана, взгляд на «субъективный аспект исторического процесса», на историю как «результат деятельности людей» [17, с. 296, 298], что и станет определять важнейшие особенности творчества В.А. Жуковского 1830–40-х гг., да и всей русской литературы в целом.

Выстраивая сугубо документальную и потому конкретную картину, В.А. Жуковский делает это с целью вывести из фактов некую общую мысль (модель), весьма определенную в нравственно-философском (вечном) и социально-историческом (актуальном, злободневном) планах. Суть этой мысли (этой модели личности) заключается в следующем: «Он (Тургенев. – И.А.) мог с энтузиазмом привязаться к некоторым идеям, но при всей способности к энтузиазму он имеет... особенную чистую нравственность, основанную на правилах ясных, нравственность, которая никогда бы не допустила его до того, чтобы не почувствовать, что никакая цель не оправдывает средство, что убийство всегда убийство... Идея могла ослепить его рассудок и кто сему не подвержен, но никакая идея не могла ослепить его сердце, сделать его низким, сделать способным замысливать на жизнь своего благотворителя и принимать новые благодеяния от того, чья погибель определена была уже в тайне души. Такого чудовищного чувства душа Тургенева не способна не только питать, но и пожелать возможным...» (курсив мой. – И.А.) [15, с. 280]. В связи с таким представлением о декабристе в статью входит много общих рассуждений о соотношении истории, политики и нравственности, важных в свете будущих романов Тургенева, Достоевского с их героями-идеологами в центре.

В первую очередь автор четко формулирует в своей «Записке» то, что вменяется в вину Тургеневу. Здесь он активно цитирует документы, главным образом Донесение следственной комиссии: «...Н.И. Тургенев обвинен в участии в тайном обществе; в учреждении и восстановлении оно; в замыслах ввести республику» [15, с. 274], в том, «что... удалился за границу и, требуемый к суду, не явился и тем подтвердил показания» [15, с. 278]. Выстраивая логически связную систему контраргументов данного обвинения, автор, по сути, излагает собственную общественно-политическую концепцию. Главное место в ней занимает понятие закона.

Изучив документы, В.А. Жуковский приходит к выводу: «...главного, на чем бы могло быть утвер-

ждено обвинение Тургенева, то есть фактов, нет, следовательно, его обвинение ни на чем не основано и само по себе *не может быть законным*» (выделено мной. – *И.А.*) [15, с. 276]. В связи с этим поднимается и вопрос о правосудии. В самый разгар реакции и расправ без суда и следствия В.А. Жуковский пишет: «Суд должен быть беспристрастен. Его предмет не обвинение и не оправдание, а одна правда. Правда или карающая или освобождающая обвиняемого; чистая, ясная, не подлежащая никакому сомнению правда. Объяснение вины или объяснение невинности должны быть равно для него святы, ибо и в том и в другом может заключаться правда» [15, с. 279].

Обращаясь к царю, В.А. Жуковский стремится не только облегчить участь Н.И. Тургенева, восстановить по отношению к нему справедливость, но и научить государя объективному взгляду на произошедшие события, уважительному отношению к своим подданным. Он призывает Николая I к милосердию, которое, с его точки зрения, «будет в то же время и справедливостью». Эти темы и идеи станут в русской литературе самыми актуальными уже в 1830–40-е гг. (их квинтэссенция – в лермонтовской «Песне про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова»). К ним не раз еще обратится и сам В.А. Жуковский в своих стихотворных повестях и в прозе.

Однако при всем внимании В.А. Жуковского к общим вопросам большая часть «Записки» посвящена обрисовке личности Тургенева. Отметим, что его образ, созданный Жуковским, – один из первых в русской литературе образов декабриста. Принципиально важным представляется здесь то, что особое значение в изображении Тургенева В.А. Жуковский придает его характеристике как человека высокой нравственности, исключительной чести и чувства собственного достоинства. В связи с этим с особой силой подчеркивается внутренняя свобода Тургенева, включающая в себя не только «образ мысли свободный», что, по мнению автора, вовсе не тождественно беззаконию, но и чувство совести, ответственность за свои поступки.

И то и другое В.А. Жуковский связывает с высоким уровнем образованности своего «подзащитного»: «Он имел мысли свободные, но в то же время имел и ум образованный» [15, с. 275]. В этом плане очень характерно напоминание Жуковским того, что Тургенев закончил Геттингенский университет, в котором, по словам автора, «он учился основательно» [15, с. 281]. К тому же обучение в Геттингене было уже в начале XIX в. знаком определенного типа личности. В частности, университет «привязывал», как говорится в статье В.А. Жуковского, своих воспитанников, в том числе и Тургенева, «к общим идеям свободы» [15, с. 281]. Кроме того, В.А. Жуковский подчеркивает роль «просвещенного наставника» в формировании Тургенева, каковым по отношению к нему выступил барон Г. Штейн.

Для нас чрезвычайно важна внутренняя близость в этом вопросе В.А. Жуковского и Пушкина, который в своей записке «О народном воспитании», пытаясь, как и В.А. Жуковский, способствовать смягчению судьбы Тургенева, писал о том же: «Н. Тургенев, воспитывавшийся в Геттин<генском> унив<ерситете>, несмотря на свой политический фанатизм, отличался... нравственностью и умеренностью – следствием просвещения истинного и положительных познаний» [18, с. 31]. Это напрямую перекликается с убежденностью многих русских классиков в том, что просвещение и бунт – «две вещи несовместные».

В нарисованном В.А. Жуковским портрете декабриста Н.И. Тургенева очевидны и очень показательны прямые переклички с героем художественного произведения, образом Чацкого, не только открывающим галерею «лишних» людей в русской литературе, но и являющимся таким героем, которого, по словам Ю.М. Лотмана, «еще не вдаваясь в чтение комментариев, мы ощущаем... как декабриста» [17, с. 297]. Отличительной чертой личности своего героя А.С. Грибоедов делает именно внутреннюю свободу. Говоря о декабристе не только как о носителе политической программы, автор «Горя от ума» рисует его культурно-исторический и нравственно-психологический облик и именно на основе свободолюбия.

Проникая в суть особого типа личности Н.И. Тургенева, В.А. Жуковский подчеркивает его необычайную гражданскую активность, порыв к общественно полезному действию, к реализации передовых политических идей, направленных на совершенствование государства, социальной жизни в России. В доказательство В.А. Жуковский готов привести всю прошедшую жизнь Н.И. Тургенева: «Пускай укажут хотя на один поступок, в котором было бы что-нибудь уклоняющееся от правил строжайшей нравственности. Пускай взглянут на его службу: кто с большею совестью работал! Кто более собою жертвовал долгу!» [15, с. 282]. Поэт напоминает царю о том, что Тургенев всегда служил отечеству верой и правдой, и приводит в «Записке» высокую оценку государственной деятельности Н.И. Тургенева «покойным государем», который, по словам В.А. Жуковского, «принял с благосклонностью его (Н.И. Тургенева. – *И.А.*) проект об освобождении крестьян» и «говорил Карамзину, что желает его возвращения (из-за границы. – *И.А.*), дабы сверх других дел возложить на него и некоторую часть законодательства». И это при том, добавляет В.А. Жуковский, что «покойному государю был известен вообще образ мыслей Тургенева!» [15, с. 282].

Вступление Н.И. Тургенева в тайное общество В.А. Жуковский, как и Пушкин, тоже во многом объясняет именно с точки зрения его высокой гражданской ответственности. Он отмечает «исключительную, страстную привязанность Н.И. Тургенева к одной идее» (речь идет о «свободе крестьян») и его горячее жела-

ние принести пользу обществу путем распространения «нескольких здравых идей» и особенно путем убеждения «сочленов своих... в пользу свободы крестьян» [15, с. 283]. «Он желал блага отечеству, – утверждает В.А. Жуковский, – но был уверен, что твердого блага быть там не может, где 13 миллионов лишены достоинства человеческого. <...> Таково было его убеждение, которое ни для кого не было тайною» [15, с. 281].

Здесь В.А. Жуковский безошибочно называет одну из основных особенностей декабризма, близкую ему как художнику по самой своей сути – приравнивание открыто высказанного слова («убеждения») к делу. Характерны и здесь переклички с проблематикой комедии А.С. Грибоедова, с образом Чацкого, видевшего в публичном выражении своей позиции поступок – начало собственного и общественного совершенствования.

Наконец, очень показательна ставится в «Записке» В.А. Жуковского вопрос о характере Тургенева. «Тургенев по характеру своему не способен участвовать в умыслах злодейских», – решительно заявляет автор, с точки зрения которого этот человек – «образец моральной чистоты». «Я знаю, что все, несогласное с законом Божиим, было всегда и во всем далеко от его сердца», – смело пишет В.А. Жуковский о «государственном преступнике», которому он не раз признавался в своем уважении и любви и даже считал себя обязанным ему своим «высоким понятием о человечестве» [19, с. 7]. За этим стоит важнейшая мысль В.А. Жуковского о цельности личности, о наличии в человеке внутреннего стержня, который определяет его поведение в любой ситуации, что и позволяет говорить об определенной модели личности. Эта идея определила основу поздней концепции человека В.А. Жуковского, в которой, не отрицая детерминированности человека обстоятельствами, писатель утверждает «внутреннюю доминанту» личности, что, как известно, стало отправной точкой поэтики русской классической прозы, ее психологизма.

Итак, характеристика тургеневского «образа мысли» превратилась под пером В.А. Жуковского в глубокий нравственно-психологический портрет и, более того, в утверждение нового типа личности, который нашел свое отражение в творчестве А.С. Пушкина, поэтов-декабристов, А.С. Грибоедова, а чуть позже в творчестве М.Ю. Лермонтова, прежде всего в его лирике и поэмах, герои которых – люди, наделенные свободолобием, неприятием социального рабства.

«Мысли о необходимости освобождения крестьян» как важнейшей характеристике образа декабриста В.А. Жуковский уделяет в своем сочинении, обращенном к царю, особое внимание. Не останавливаясь на отношении В.А. Жуковского к этой проблеме [20, с. 4–13], отметим лишь, что исследователи называют его «идейным наставником» в этом вопросе именно Н.И. Тургенева. Особую роль для В.А. Жу-

ковского сыграл «Опыт теории налогов» Н.И. Тургенева [21, с. 472–482], который стал, по словам А.С. Янушкевича, «теоретической основой практических шагов» писателя «по освобождению своих крепостных» [15, с. 563].

Говоря об антикрепостнических настроениях Н.И. Тургенева, который вошел и в сознание Пушкина как ненавистник «плети рабства», предвидевший в «толпе дворян освободителей крестьян», В.А. Жуковский с особой силой настаивает на том, что в идее «уничтожения рабства крестьян» нет «ничего преступного» и «даже тайного» [15, с. 274]. При этом писатель настойчиво подчеркивает различие Н.И. Тургеневым идеей отмены крепостного права и свержения самодержавия. Первое означает, по Тургеневу (в интерпретации В.А. Жуковского), осуществление важнейшего нравственного закона: «людей продавать не должно», второе однозначно определяется как «заговор против жизни государя», т.е. как беззаконие и безнравственность.

В.А. Жуковский неоднократно пишет в своей «Записке» о том, что «одно только могущество самодержца может дать в России крестьянам свободу, не разрушив самой России», что «освобождение крестьян в России может быть с успехом произведено только верховною властью самодержца» [15, с. 281, 275], т.е. мирным путем. Не случайно В.А. Жуковский отмечает, что «свои идеи об освобождении крестьян» Тургенев «сообщил самому покойному Императору, от коего он получил за них и благословение» [15, с. 274]. Более того, ниже читаем о том, что «мысль освобождения крестьян от рабства» «была главною души Александра» [15, с. 281].

«Записка о Н.И. Тургеневе» В.А. Жуковского в целом отличается открытым антиреволюционным пафосом. В этом ее глубинная связь с русской прозой XIX в., начиная от А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя и кончая творчеством Л.Н. Толстого, его романом-эпопеей «Война и мир», выросшим из повести «Декабристы». С особой силой В.А. Жуковский настаивает на том, что Н.И. Тургенев не разделял революционной настроенности тайного общества, считая ее «пустой и бесполезной». Так на страницах рассматриваемой статьи возникают два очень ярких взаимосвязанных образа – декабриста и поэта декабристской поры.

В связи с этим показательным представляется круг чтения В.А. Жуковского второй половины 1820-х гг. Это сочинения о Великой французской революции, с которыми он знакомился вместе с братьями Тургеневыми (труды Ансильона, Дарю, Жомини, Сисмонди, Ж. де Сталь, многочисленные мемуары об этом событии). Вместе с братьями Тургеневыми В.А. Жуковский читает в это время и исследования французских историографов Минье и Гизо, выражавших романтическую концепцию нравственного смысла исторического развития [21, с. 466–521]. В этом контексте складывались основные идеи «Записки» и нашедшая в ней отражение модель личности декабриста.

Любопытен и лирический контекст данного сочинения. В него логично включить те немногочисленные стихотворения, которые явились непосредственным откликом на события 1826 г. и передавали размышления В.А. Жуковского, все глубже понимавшего **трагизм** события декабря 1825 г. и его участников («Друзья, без горести на гроб взирайте мой!..» – стихотворение, написанное в конце декабря 1825 г., «Был у меня товарищ...» [2, с. 26–27; 5, с. 180; 8, с. 169; 22, с. 151; 23, с. 17], баллада «Торжество победителей», басни «Голик и Золото», «Солнце и Борей» [7, с. 640]).

Таким образом, в «Записке о Н.И. Тургеневе», рождалось представление о декабристе как об особом типе личности, за которым В.А. Жуковскому виделись широкие перспективы не только общественно-политического, но и нравственно-этического, психологического и эстетического плана. Здесь прозвучала

мысль о человеке как исторически и социально зависимом субъекте, суть которого, однако, во многом определяет его нравственный инстинкт и связанный с ним порыв к внутренней свободе и ответственности за свою жизнедеятельность. Именно это оказалось чрезвычайно значимым для становления русской реалистической прозы не только XIX, но и XX в. Модель образа декабриста, выстроенная первым русским романтиком, оказалась продуктивной, несмотря на то, что его сочинение, как и параллельная ему в плане рассматриваемых вопросов комедия А.С. Грибоедова, долгое время не публиковалась¹. Это подтверждает творчество писателей XIX–XX вв. (например романы Л.Н. Толстого, Д. Мережковского и др., исследование которых в аспекте обозначенной В.А. Жуковским проблемы требует специального внимания).

Литература

1. Дубровин Н.Ф. В.А. Жуковский и его отношение к декабристам // Русская Старина. 1902. № 4.
2. Фризман Л.Г. Поэзия декабристов. М., 1974.
3. Фризман Л.Г. Декабристы и русская литература. М., 1988.
4. Семенко И.М. Жизнь и поэзия В.А. Жуковского. М., 1975.
5. Янушкевич А.С. Этапы и проблемы творческой эволюции В.А. Жуковского. Томск, 1985.
6. Янушкевич А.С. Круг чтения В.А. Жуковского 1820–1830-х годов как отражение его общественной позиции // Библиотека В.А. Жуковского в Томске. Ч. 1. Томск, 1978.
7. Реморова Н.Б. Басня в творчестве В.А. Жуковского конца 1820-х гг. // Там же. Ч. 3. Томск, 1988.
8. Иезуитова Р.В. В.А. Жуковский и деятели тайных обществ // Иезуитова Р.В. В.А. Жуковский и его время. Л., 1989.
9. Канунова Ф.З. В.А. Жуковский и Г.С. Батеньков // Канунова Ф.З., Айзикова И.А. Нравственно-эстетические искания русского романтизма и религия (1820–1840-е годы). Новосибирск, 2001.
10. Иезуитова Р.В. В.А. Жуковский и его время. Л., 1989.
11. Янушкевич А.С. Этапы и проблемы творческой эволюции В.А. Жуковского. Томск, 1985.
12. Модзалевский Б.Л. В.А. Жуковский и братья Тургеневы // Декабристы. М., 1925.
13. Ланский Л. Из эпистолярного наследия декабристов. Письма Н.И. Тургенева к В.А. Жуковскому // Вопр. лит. 1975. № 11.
14. Киселёва Л.Н. Пушкин и В.А. Жуковский в 1830-е годы // Пушкинская конференция в Стэнфорде. Материалы и исследования. М., 2001.
15. Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 13. М., 2004.
16. Веселовский А.Н. В.А. Жуковский: Поэзия чувства и «сердечного воображения». М., 1999.
17. Лотман Ю.М. Декабрист в повседневной жизни (Бытовое поведение как историко-психологическая категория) // Лотман Ю.М. Избр. ст.: В 3 т. Т. 1. Таллинн, 1993.
18. Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. Т. 6. М., 1981.
19. Жуковский В.А. Сочинения: В 6 т. Т. 6. 7-е изд. СПб., 1878.
20. Россия и реформы. Вып. 2. М., 1993.
21. Библиотека В.А. Жуковского в Томске: В 3 ч. Ч. 1. Томск, 1978–1988.
22. Бессараб М. В.А. Жуковский: Книга о великом русском поэте. М., 1975.
23. Корнеев А. «Ты будь мне верный брат»: В.А. Жуковский и декабристы // Литературная Россия. 1983. № 6.

¹ Как известно, впервые «Записка о Н.И. Тургеневе» была опубликована, причем с купюрами, только в 1902 г. в составе Полного собрания сочинений поэта, вышедшего под редакцией А.С. Архангельского (т. 10, с. 13–23); ср.: [15, с. 274–299].